
ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Год русского языка

*В. А. Козырев,
профессор кафедры русского языка
В. Д. Черняк,
заведующая кафедрой русского языка*

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ: ЖАРГОНИЗАЦИЯ РЕЧИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Говоря о насущных задачах исследования современной языковой ситуации, Ю. Н. Караулов отмечает: «Мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты, и старались избегать “отрицательного” языкового материала. Ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества <...> мы должны прежде всего думать и говорить <...> о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его нынешних плюсов и минусов» [1]. Предметом серьезного исследования лингвистов становятся не только высшие проявления языковой культуры, но и язык улицы, язык города, языковые портреты различных социальных групп, язык средств массовой информации, язык произведений массовой литературы, ранее считавшихся недостойным объектом научного рассмотрения.

Сегодня очевидна тенденция к стилистической сниженности речи как в устной коммуникации, так и в письменной. Процесс жаргонизации, постоянное опускание планки литературной речи — одна из характерных особенностей современной речевой культуры. Общественный вкус нынешнего времени, связанный с демократизацией речи, диктует обновление литературного канона, открывает путь к новому балансу разных речевых слоев. Правило «равнения вниз», которому следуют и средства массовой информации, и создатели разного рода рекламных текстов, безусловно, способствует эффективной коммуникации, но в то же время определяет содержательное ориентирование сообщения на самый низкий по культурному уровню контингент носителей языка.

Конечно, современная ситуация не является чем-то уникальным для истории русского языка. Историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», «варваризаций». Языковая мода допускала в речевой обиход слова, отвергаемые блюстителями чистоты языка. Приведем показательный пример использования сниженного слова с метаязыковым комментарием И. А. Гончарова.

Назначено было отвалить нам от фрегата в одиннадцать часов утра. Но известно, что час и назначают затем, чтобы только знать, на сколько приехать позже назначенного времени — так заведено в хорошем обществе. И мы, как люди хорошего общества, отвалили в половине первого.

Вы улыбаетесь при слове отваливать: в хорошем обществе оно не в ходу; но у нас здесь отваливай — фешенебельное слово (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

«Жаргонизация (или, по терминологии некоторых исследователей, — “люмпенизация”) современного письменного языка (особенно — языка средств массовой информации) — одна из общесистемных его доминант. Близка к этой доминанте и вульгаризация языкового стандарта, проявляющаяся в актуализации бранной лексики и фразеологии» [2].

Ведущую роль в огрублении не только обиходного, но и официального общения играют средства массовой информации, которые стремятся максимально приблизиться к уровню потребителя массовой культуры, стараются говорить на его языке и вполне в этом преуспевают. В то же время мыслительный уровень средней языковой личности во многом формируется именно через средства массовой коммуникации, они составляют главную речевую среду обитания многих носителей языка.

Именно современные СМИ способствуют постепенному усвоению жаргонизмов разговорной речью, их нейтрализации. Примечательно название статьи журналиста А. Плутника: «Свобода слова или недержание речи?» (Общая газета. 2001. № 31), в котором акцентируется оборотная сторона процессов либерализации публичной речи. Приведем несколько типичных примеров из средств массовой информации, иллюстрирующих процесс разрушения необходимого водораздела между книжными и устно-бытовыми типами речи.

В последнее время компания *засветилась* фактами плодотворного международного сотрудничества (РТР. 1. 02. 99).

Я непременно заключу договор, но вот только когда появится такая возможность? Что сильнее в нынешнем переходном обществе: российский *«пюфигизм»* (если не сказать грубее) или стремление к цивилизованной человеческой жизни? (Невское время. 9.09.95).

Когда секьюрити в очередной раз отодвинули засов, чтобы впустить новую партию пострадавших, около 20 человек ринулись внутрь с намерениями *«разобраться»* с руководством фирмы-«кидалы» (Известия. 24.08.99).

Главный реформатор страны – человек принципиальный и в какой-то степени даже *упертый* (АиФ. 2003. № 25).

Всякие маргиналы типа Жириновского и коммунистов у нас не так популярны, как в среднем по России. Но даже это не главное <...>. Именно мы – избиратели – не даем скатиться местной политике до уровня провинциальных клановых *разборок*, где на поверхности будут плавать только начальники советского типа или нормальные властные *пацаны* (Московский комсомолец. 2003. № 22).

Оценить напрямую долю финансирования номенклатурной *халявы* в бюджете здравоохранения затруднительно (Итоги. 2000. № 46).

Расслоение среди читателей началось тогда, когда, казалось бы, для этого исчезли все основания. В 90-е годы на смену *«отфонарным»* советским тиражам пришли тиражи более осмысленные (Еженедельный Журнал. 2002. № 7).

Экономика растет *хреново*: предприниматели заставили Михаила Касьянова пересмотреть несуществующий бюджет-2003 (Коммерсант. 2002. № 102).

Так питерские *«яблоки»* с первыми, с кем договариваются, – это с эспэ-эсовцами. На федеральном же уровне они *мочат* друг друга почем зря (Московский комсомолец. 2003. № 22).

Первый раз я приехала в Питер, когда мне было 14. С тех пор я посетила этот город раз 50. Я его очень люблю. И даже ориентируюсь здесь, и метро знаю. Питер тем и хорош, что можно идти-идти и вдруг *вырулить* на какое-то место, *офигительное* и незнакомое (МК в Питере. 2002. № 49).

Криминализация в разных сферах современной жизни вызвала актуализацию преступного, воровского, тюремного жаргона. Пересечение социальных и языковых процессов хорошо демонстрирует следующий текст:

Бандит – «лишний человек». Как Евгений Онегин, которому «труд упорный был тошен». Настоящий бандит нигде не работает и не служит. Он сидит на малине с марухами, ловит кайф и ботает по фене. Потом идет на «дело». Если оно не выгорает, сидит в тюрьме. Его дом – хата, а не коттедж; товарищ ему тамбовский волк, а не мэр. Он не только не может, но и не хочет быть депутатом или директором. Если же он меняет малину на офис, кубышку – на платиковую кредитку, засаленную фальшивую ксиву – на загранпаспорт и, вместо того чтобы при виде мента прикидываться ветошью, дружит с генералами из той же конторы, то?.. То это значит, что речь идет уже о чем-то совсем другом (Н. Журавлев. «Братва» в контексте мировой истории // Литературная газета. 2000. № 10).

В современной речи отмечается активизация профессиональных жаргонов. Во многих случаях трудно провести границу между профессионализмами, употребляемыми в разговорной речи, и жаргонизмами. Нередко профессионализмы отрываются от породившей их среды и начинают употребляться повсеместно: *баранка*, *кирпич* (жаргон шоферов), *открытым текстом* (из жаргона радистов), *химия* (из жаргона парикмахеров), *задействовать* (бюрократический жаргон).

Ряд широкоупотребительных сегодня слов литературного языка берет начало именно в профессиональных жаргонах.

- Вообще что означала вся эта петрушка? – Накладка вышла, – пояснил Бомбардов.
- Что значит это слово?
- Накладкой на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибается, или занавес не вовремя закроют или...
- Понял, понял... (М. Булгаков. Театральный роман).

Многие исследователи жаргонной лексики подчеркивают творческий характер жаргона и рассматривают его как важный источник обновления экспрессивных средств языка. Д. С. Лихачев отмечал: «Обывательское мнение определяет жаргон как грубый, вульгарный, озорной, циничный. Сами арготирующие склонны воспринимать его как язык хлесткий, удалой, лихой и остроумный» [3].

На рубеже XX–XXI вв. жаргон произвел мощный лексико-семантический взрыв, вызвав изменения в системных лексических парадигмах.

Особый феномен современной речи представляет собой молодежный сленг. Наблюдается беспрецедентное по своей интенсивности взаимодействие современного молодежного жаргона и арго (этим термином называют блатной жаргон). Арготизмы *мент*, *шмон*, *бабки*, *кусок*, *штука*, *кинуть*, *мочить* стали неотъемлемой принадлежностью молодежной речи.

Оценивая использование жаргонизмов молодежью, следует иметь в виду, что они представляют собой форму удовлетворения потребностей молодого человека в экспрессивных средствах. Этим средством привлечения внимания молодежи и подростков очень активно, часто совершенно неумеренно пользуются молодежные издания.

Наличие креативной установки позволяет рассматривать речевое поведение говорящего как сложный процесс, основанный на преодолении стандартов и стереотипов, стремлении проявить свои индивидуальные особенности, т. е. самореализоваться в границах дозволенного. В современной речи молодежи попытки самореализации, проявление творческого отношения к языку осуществляются уже на грани или даже за гранью дозволенного.

Ярко выраженная конфликтогенность, нагнетание отрицательной экспрессии, которые характеризуют разные формы современной речи, несомненно, оказывают отрицательное воздействие на личность. Тексты, насыщенные жаргонной лексикой, часто апеллируют не к разуму читателя, а к весьма примитивным эмоциям.

Языковая экология требует активного внедрения в образовательное пространство норм толерантного вербального общения. Формирование языковой личности происходит в процессе восприятия, переработки и продуцирования разнообразных текстов, устных и письменных. По существу, совокупность произносимых, воспринимаемых, слышимых, читаемых текстов формирует языковую среду, в которой существует личность. Представляется важным обратиться к тем текстам, которые формируют языковую среду современной личности, с точки зрения лингвистических проблем толерантности.

Обращение к современной речи в разных формах ее бытования убеждает в справедливости следующего утверждения: «Без специальных усилий напряженность разрешается чаще всего в агрессивный речевой акт, тогда как нейтрализация ситуации предполагает взаимное приспособление. Чтобы ненасилие стало составной частью менталитета, а толерантность как состояние возобладала над агрессивностью, необходима серьезная психологическая работа и длительный период активного обучения и воспитания» [4].

Обращение современной филологии к обыденной речи, к речевым произведениям, создаваемым «здесь и сейчас», согласуется с антропоцентрическими устремлениями современной науки. Этими устремлениями обусловлен и интерес к массовой литературе, издаваемой миллионными тиражами и ставшей неотъемлемой частью языкового существования общества (по данным социологов, массовая литература сегодня составляет 97% литературного потока).

Даже в заглавиях произведений массовой литературы последнего десятилетия, как в зеркале, отразились агрессивность и конфликтность, ставшие яркими приметами эпохи глобальных перемен в жизни страны.

Глобальные изменения в жизни российского общества в 80–90-е гг. XX в. определили существенные изменения в картине мира современника. Лексические последствия этих изменений, проявившиеся прежде всего в многочисленных лексических инновациях, выразительно представлены в «Словаре русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складневской. Нами были проанализированы материалы словаря с точки зрения вербализованных концептуальных полюсов: толерантность — конфликтность. Оказалось, что полюс «толерантность» представлен прежде всего актуализировавшейся в языке лексикой православной культуры, не ставшей, однако, неотъемлемой и активно используемой частью лексикона современника. Из других немногочисленных лексических единиц можно привести в качестве примера слова *благодетель, взвешенный, волонтер, вспомоществование, гарант, гарантированный, гуманизировать, гуманистичный, гуманитарный, диалог, доверие (служба доверия, телефон доверия), духовный, законопослушный, защищенность, консенсус, консолидироваться, пожертвование*.

Противоположный полюс представлен несопоставимо большим количеством лексических единиц: *абсурд (театр абсурда), Абсурдистан, абсурдный (абсурдная экономика, абсурдное общество), аллергия* «отрицательное отношение, нетерпимость», *аномалия, апокалипсис* «перен. публ. о мировой катастрофе, крупномасштабном бедствии, несущем угрозу гибели человечества, культуры, природной среды», *асоциальный, бандитизм, банкротство, бардак* «беспорядок, хаос, неразбериха, развал», *бедность, беженцы, бездомные, беззаконие, беспредел, блокада (информационная, финансовая, энергетическая), бомж, бродяга, вакханалия, взвинчивать, взрывоопасный, выбросы, выживание, вымогать, вышка, гангстер, геноцид, зона, голод, демонтаж, депортировать, депрессия, дестабилизировать, деструктивный, дефицит, замочить, казнокрад, камикадзе, катаклизм, катастрофа, кидала, киллер, кинуть, клан, конфликт, криминалитет, мясорубка* «бессмысленная война, бойня», *наколоть* «обмануть», *наркомафия, наркобанда, профашистский, психотропный, разборка, теракт, террорист, терроризм* и т. п. Эти лексические единицы, естественно, оказались востребованными у авторов массовой литературы, прежде всего детективов, поскольку они лаконично и нередко метафорически точно обозначают болевые точки современного мира, демонстрируют пренебрежение всеми запретами, обращение к ранее табуированным темам.

Языковые предпочтения современной языковой личности, воплощенные в заглавиях, «ментальный словарь» современника связаны с массивным вторжением разговорной стихии и субстандарта в текстовое пространство.

В заглавиях массовой литературы оказываются частотными ключевые слова, вербализующие концепт «агрессивность»: *убийство, убийца, киллер*. Например: «Вкус убийства», «Почти невероятное убийство», «Обреченный убивать», «Убийство футболиста», «Трех убийств мало», «Налог на убийство», «Мне давно хотелось убить», «Придется вас убить», «Убить, чтобы воскреснуть», «Убийство в доме свиданий», «Убийца поневоле», «Назначаешься убийцей», «Десерт для серийного убийцы», «Я — убийца», «Я убью тебя, милый», «Убийство и Дама Пик», «В объятиях убийцы», «Карлик-убийца», «Мой желанный убийца», «Киллер из шкафа», «Киллеры в погонах», «Антикиллер», «Высший пилотаж киллера», «Юрист: дело рыжего киллера», «Мой любимый киллер», «Розы для киллера», «Закон киллера», «Александр Солоник — киллер мафии», «Александр Солоник — киллер на экспорт», «Сам себе киллер», «Время киллера», «Киллер. Работа по душе», «Призрак киллера», «Ликвидатор» и др. (авторов произведений мы не указываем, поскольку авторство в данном случае несущественно).

Примечательна чрезвычайная активность слова *киллер*. В синонимической оппозиции *убийца — киллер* слово *киллер* специализируется с семантическим компонентом «вид профессиональной деятельности». Оно символизирует обытовление убийства, превращение исключительного, греховного, морально осуждаемого действия в бытовое, приземленное, а в женской (толерантной) интерпретации даже симпатичное действие. Особенно показательны оксюморонные сочетания: «*Мой любимый киллер*», «*Мой желанный убийца*», «*Киллер. Работа по душе*» и др.

Закономерно, что жаргонная лексика стала основной (или, в лучшем случае, заметной) лексической составляющей большинства произведений массовой литературы. Впервые в истории отечественной словесности субстандартная лексика, тюремно-воровской жаргон, «русская феня» становятся компонентами заглавий (раньше ненормативные включения возможны были лишь внутри текста). Таким образом автор дает своеобразный сигнал, сразу определяя то языковое и ментальное пространство, в которое он приглашает своего читателя: «Привет, уркаганы», «Бомба для братвы»,

«Прощай, пахан», «Маслины для пахана», «Лох и бандиты», «Путана: кукла для утех», «Королева отморозков», «Отморозки бьют первыми», «Мочилово», «Люберецкие качалки, рэкет, крыши», «Фраер вору не товарищ», «Дикий фраер», «Менты», «Мент обреченный», «Мент», «Мент в законе», «На дело со своим ментом», «Подруга мента», «Сыскарь», «Катала», «Последний трюк каталы», «Жидала», «Кодла», «Дембель против воров», «Заказуха», «Баксы не пахнут», «Большие бабки», «Леди стерва», «Хабалка», «Разборка», «Заказуха», «Разборки авторитетов», «Заговор фраеров», «Воровской общак», «За базар ответим» и др.

Писатель Олег Павлов объясняет криминализацию языка криминализацией общества и криминализацией сознания: «За последние пятьдесят лет нашей истории через лагерную систему прошли миллионы и миллионы людей, каждый второй наш гражданин так или иначе соприкасался с этой тюремно-лагерной системой. Лагерный жаргон стал уже основой современного просторечия, он проник в литературу и даже больше — в культуру. Блатная речь вкупе с американизмами — вот новый деловой русский язык, на котором мы не читаем, а день изо дня живем, работаем, является прообразом общественного мышления. Язык — идеальный инструмент управления сознанием не отдельного человека, но всего общества. Сознанием нашим, обществом пытается реально управлять криминальный мир, и самый кровный интерес этого мира — уничтожение слоя культурного, потому что только бескультурным народом и могут управлять все эти вору в законе, авторитеты да паханы. Но, заговорившие их понятиями, напившиеся этой блатной отравы, мы будем не “братки” для них и не люди даже, а “фраера”, “шестерки”» (Огонек. 1998. № 7).

Таким образом, массовая литература, наряду с публицистикой, стала тем мощным каналом, через который идет массированное вторжение субстандарта в лексикон и тезаурус современной языковой личности. При этом наблюдается отчетливая ориентация лексикона носителя языка, задаваемая авторами детективов, в сторону негативного полюса.

Оценивая языковую ситуацию рубежа веков, М. А. Кронгауз отмечает: «Русская речь вообще стала более разнообразной, поскольку совмещает в себе разнородные элементы из когда-то несочетаемых форм языка. В сегодняшней речи не юного и вполне интеллигентного человека мелькают такие слова и словечки, что впору кричать караул. Молодежный сленг, немножко классической блатной фени, очень много фени новорусской, профессионализмы, жаргонизмы, короче говоря, на любой вкус» [5]. Отмеченное качество множества воспринимаемых, воспроизводимых и создаваемых текстов оказывает существенное влияние на лексикон усредненной языковой личности.

Примечания

1. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности: Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991. С. 85.
2. Мокиенко В. М. Доминанты языковой смуты постсоветского времени // Русистика. 1998. № 1/2. С. 38.
3. Лихачев Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики русского языка. М., 1964. С. 311.
4. Кутина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 24.
5. Кронгауз М. Времена и нравы // Новый мир. 2002. № 10. С. 137.

Н. Л. Шубина,
декан филологического факультета

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ АВТОРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

*Автор должен быть в своем произведении,
подобно Богу во Вселенной: вездесущ и невидим.*
Д. Свифт

Как было уже отмечено в нашей предыдущей беседе¹, научная статья имеет свои жанровые и стилистические особенности, о которых можно прочесть в любом учебнике, методическом пособии. Как правило, предлагается набор специальных языковых средств, использующихся для формально-смысловой организации статьи. Однако признаем, что статьи наших зарубежных коллег отличаются некоторой «свободой» в выборе этих средств, что, однако, не влияет на объективную оценку изложенной научной информации.

Формальный набор средств не всегда обеспечивает адекватное восприятие научной информации, и более